

Ахматова:

В страшные годы ежовщины я провела семнадцать месяцев в тюремных очередях в Ленинграде. Как-то раз кто-то "опознал" меня. Тогда стоящая за мной женщина с голубыми губами, которая, конечно, никогда в жизни не слыхала моего имени, очнулась от свойственного нам всем оцепенения и спросила меня на ухо (там все говорили шепотом):

- А это вы можете описать?

И я сказала:

- Могу.

Тогда что-то вроде улыбки скользнуло по тому, что некогда было ее лицом.

1 апреля 1957

Ленинград

ВСТУПЛЕНИЕ

Это было, когда улыбался
Только мертвый, спокойствию рад.
И ненужным привеском болтался
Возле тюрем своих Ленинград.
И когда, обезумев от муки,
Шли уже осужденных полки,
И короткую песню разлуки
Паровозные пели гудки.
Звезды смерти стояли над нами,
И безвинная корчилась Русь
Под кровавыми сапогами
И под шинами черных марусь.

I

Уводили тебя на рассвете,
За тобой, как на выносе, шла,
В темной горнице плакали дети,
У божницы свеча оплыла.
На губах твоих холод иконки.
Смертный пот на челе... не забыть!
Буду я, как стрелецкие женки,
Под кремлевскими башнями выть.

1935

Семнадцать месяцев кричу,
Зову тебя домой.
Кидалась в ноги палачу -
Ты сын и ужас мой.
Все перепуталось навек,

И мне не разобрать
Теперь, кто зверь, кто человек,
И долго ль казни ждать.
И только пышные цветы,
И звон кадилый, и следы
Куда-то в никуда.
И прямо мне в глаза глядит
И скорой гибелью грозит
Огромная звезда.

Узнала я, как опадают лица,
Как из-под век выглядывает страх,
Как клинописи жесткие страницы
Страдание выводит на щеках,
Как локоны из пепельных и черных
Серебряными делаются вдруг,

Улыбка вянет на губах покорных,
И в сухоньком смешке дрожит испуг.
И я молюсь не о себе одной,
А обо всех, кто там стоял со мною,
И в лютый холод, и в июльский зной,
Под красною ослепшею стеною.

Окуджава:

**Булат Шалвович Окуджава (9 мая 1924 - 12 июня 1997) Поэт, прозаик, киносценарист
Основоположник направления авторской песни.**

Биография Булата Окуджавы

...Родился в Москве. Отец — грузин, занимавшийся партийной работой, в 1937 году попал под каток репрессий и погиб. Мать — армянка, прошла через ГУЛАГ.

Когда родителей забрали, остался с бабушкой в Москве. Но в 16 лет переехал к родственникам в Тбилиси. В 1942 году добровольцем прямо из девятого класса ушёл на фронт. Сначала был миномётчиком. Воевал под Моздоком. В декабре 1942 года был ранен.

После XX съезда мать писателя реабилитировали и им вдвоём вновь разрешили поселиться в Москве.

Звучит «Грузинская песня»

Мильда Арнольдовна Ермашова, г. Алма-Ата.

14 ноября 1937 года ночью в нашей квартире в Ленинграде раздался звонок. Вошли трое мужчин с собакой, папе сказали, чтобы он одевался, и стали производить обыск. Перерыли все, даже наши школьные сумки. Когда повели папу, мы заплакали. Он нам сказал: «Не плачьте, дети, я ни в чем не виноват, через два дня вернусь...» Это последнее, что мы слышали от своего отца. Так он и не вернулся, о судьбе его ничего не знаем, писем не получили.

На следующий день после ареста отца я пошла в школу. Перед всем классом учительница объявила: «Дети, будьте осторожны с Люсей Петровой, отец ее – враг народа». Я взяла сумку, ушла из школы, пришла домой и сказала маме, что больше в школу ходить не буду.

Отец мой, Петров Иван Тимофеевич, работал рабочим на заводе «Арсенал» в Ленинграде. Мать, Агриппина Андреевна, работала на фабрике. 27 марта 1938 года арестовали и ее. Вместе с мамой забрали меня и брата. Посадили на машину, маму высадили у тюрьмы «Кресты», а нас повезли в детский приемник. Мне было двенадцать лет, брату – восемь. В первую очередь нас наголо остригли, на шею повесили дощечку с номером, взяли отпечатки пальцев. Братик очень плакал, но нас разлучили, не давали встречаться и разговаривать. Через три месяца из детского приемника нас привезли в город Минск, в детдом имени Калинина. Там я получила первую весточку от мамы. Она сообщила, что осуждена на десять лет, отбывает срок в Коми АССР.

В детдоме я находилась до войны. Во время бомбежки потеряла брата, всюду его разыскивала, писала в Красный Крест, но так и не нашла.

Петрова Людмила Ивановна, г. Нарва.

...Как я только потом узнала из документов, моя мать в 1941 году «высказала недоверие сообщениям печати и радио о положении в стране и на оккупированной территории». После ареста матери в 1941 г. меня с братом отправили в приемник-распределитель НКВД, а затем в 1942 году вывезли из блокадного Ленинграда в Ярославскую область. О родителях мне говорили, что они умерли от голода, я и не разыскивала их. Но как-то насторожило то, что я была в распределителе НКВД.

Оказывается, матери дали 10 лет по статье 58-10. Умерла она в Ленинграде в тюрьме в феврале 1942. Об отце пока ничего не знаю.

Переписываюсь с теми, с кем была в детдоме. Детдомовцы вспоминают, как дети-дистрофики подходили к лагерю заключенных в Ярославской области и выпрашивали у них хоть какую-нибудь одежду, чтобы не окоченеть от морозов, ведь из Ленинграда нас выслали практически в чем мать родила... Вспоминают, как врач снимал с покойников телогрейки и отдавал детям. Ведь практически детские дома были колониями для несовершеннолетних.

Савельева Наталья Леонидовна, г. Волгоград.

13 октября 1937 года отец послал меня в магазин купить продукты. Когда я вернулась – у нас производят обыск. Ничего не нашли, потому что нечего было искать. Взяли книгу

Ленина, вложили туда паспорт отца и повели в город. Он сказал нам последние слова: «Дети, не плачьте, я скоро вернусь. Я ни в чем не виноват. Это какая-то ошибка...» И все, с тех пор мы больше ничего о нем не знали.

А в конце апреля 1938 года мы с мамой написали Сталину письмо. И 8 мая пришли и арестовали маму, а нас взяли в детский дом, троих детей. Я была самая старшая, мне было четырнадцать лет, другому брату двенадцать, а третьему – шесть. Я до сих пор не могу без слез вспоминать эту трагедию. Находились мы в детском доме № 5 города Кузнецка. Там было очень много детей из Москвы: Александра Дробнис (ее отец был членом Политбюро), Чапский Карл, Демченко Феликс, Логоновский Юрий, Бальковская Ванда, Виктор Вольфович. Некоторым уже было по четырнадцать лет, надо было вступать в комсомол, но нам сказали: если вы отречетесь от родителей и сообщите по радио, мы вас примем. Но это сделал только один... Шура Дробнис сказала: лучше пойду уборщицей, все невзгоды переживу, но от родителей не откажусь!

Я училась в железнодорожной школе. Смотрели на нас действительно как на врагов, а пионервожатая всегда говорила: «Яблоки недалеко падают от яблони...» Эти слова, как ножом, резали по сердцу.

Мой дальнейший жизненный путь... Участник Великой Отечественной войны. Дошла до Кенигсберга. Нашла брата, мать (взяла ее из лагеря, отбыла она восемь лет).

Белова Александра Яковлевна, г. Кузнецк.

Мой отец, Кулаев Александр Александрович, по национальности татарин, был арестован весной 1938 года во Владивостоке. Помню, что он ушел на работу и больше не вернулся. Позже, в августе 1938 года, была арестована мать, Кулаева Галина Федоровна, русская. Ей в то время было лет двадцать семь. В семье было четверо детей: я – старший, 1929 года рождения, следующий – Анатолий, шести-восьми лет, затем Владимир, наверно, пяти лет, и Витя – грудной... Нас всех вместе повезли в тюрьму. Очень ясно вижу мать, почти раздетую, с распущенными волосами, на весах. И когда какой-то мужчина вел нас, троих, мимо по узкому коридору, она страшно закричала и бросилась к нам. Мать оттащили, а нас вывели. Помню там же – детские люльки, в одной из них, вероятно, был и маленький Витя.

Никогда больше матери я не видел. Нас троих поместили почему-то в школу для глухонемых. Потом она была расформирована... Так случилось, что я попал в больницу, а когда вернулся, братьев уже не было. Мне сказали, что Толю и Вову отправили в Одесский детский дом. Я же был после этого в приемнике-распределителе и где-то в 1939 году попал в детдом города Петровск-Забайкальского Читинской области.

Никогда больше никого из своих родных я не видел и ничего о них не знаю. Может быть, они живы? Если не отец и мать, то братья? Кто-нибудь из них? Ведь не должно же быть так, чтобы кроме меня не осталось на земле ни одного родного человека?

В детдоме я жила все время в дошкольной группе детей.

Детские дома для таких детей, как мы, находились в основном в маленьких гиляцких поселках на р. Амур. Наш поселок, куда мы впервые поступили, назывался Маго... Дома представляли собой длинные деревянные бараки. Детей было очень много. Одежда плохая, питание скудное. В основном суп из сухой рыбки корюшки и картошки, липкий черный хлеб, иногда суп из капусты. О другом питании я не знала.

Метод воспитания в детдоме был на кулаках. На моих глазах директор избивала мальчиков постарше меня, головой о стену и кулаками по лицу, за то, что при обыске она у них находила в карманах хлебные крошки, подозревая их в том, что они готовят сухари к побегу. Воспитатели нам так и говорили: «Вы никому не нужны». Когда нас выводили на прогулку, то дети няnek и воспитательниц на нас показывали пальцами и кричали: «Врагов, врагов ведут!» А мы, наверное, и на самом деле были похожи на них. Головы наши были острижены наголо, одеты мы были как попало. Белье и одежда поступали из конфискованного имущества родителей...

Мандельштам:

«Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,
А где хватит на полразговорца,
Там припомнят кремлевского горца.
Его толстые пальцы, как черви, жирны,
И слова, как пудовые гири, верны,
Тараканьи смеются усища
И сияют его голенища.

А вокруг него сброд тонкошеих вождей,
Он играет услугами полулюдей.
Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет,
Он один лишь бабачит и тычет,
Как подкову, дарит за указом указ:
Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз.
Что ни казнь у него — то малина,
И широкая грудь осетина.»

Ф.Раскольников

Сталин, вы объявили меня «вне закона». Этим актом вы уравнили меня в правах — точнее, в бесправии — со всеми советскими гражданами, которые под вашим владычеством живут вне закона.

Со своей стороны отвечаю полной взаимностью: возвращаю вам входной билет в построенное вами «царство социализма» и порываю с вашим режимом.

1936 года, воплотившей надежды и чаяния всего народа, ознаменовало бы новый этап расширения советской демократии.

Честное проведение в жизнь демократических принципов демократической конституции обмана. Вы культивируете политику без этики, власть без честности, социализм без любви к человеку.

Что сделали вы с конституцией, Сталин?

Никто в Советском Союзе не чувствует себя в безопасности. Никто, ложась спать, не знает, удастся ли ему избежать ночного ареста, никому нет пощады. Правый и виноватый, герой Октября и враг революции, старый большевик и беспартийный, колхозный крестьянин и полпред, народный комиссар и рабочий, интеллигент и Маршал Советского Союза — все в

равной мере подвержены ударам вашего бича, все кружатся в дьявольской кровавой карусели.

Как во время извержения вулкана огромные глыбы с треском и грохотом рушатся в жерло кратера, так целые пласты советского общества срываются и падают в пропасть.

Вы начали кровавые расправы с бывших троцкистов, зиновьевцев и бухаринцев, потом перешли к истреблению старых большевиков, затем уничтожили партийные и беспартийные кадры, выросшие в гражданской войне, вынесшие на своих плечах строительство первых пятилеток, и организовали избиение комсомола.

Вы прикрываетесь лозунгом борьбы «с троцкистско-бухаринскими шпионами». Но власть в ваших руках не со вчерашнего дня. Никто не мог «пробраться» на ответственный пост без вашего разрешения.

Кто насаждал так называемых «врагов народа» на самые ответственные посты государства, партии, армии, дипломатии?

— Иосиф Сталин.

Вы сковали страну жутким страхом террора, даже смельчак не может бросить вам в лицо правду.

Волны самокритики «не взирая на лица» почтительно замирают у подножия вашего пьедестала.

Вы непогрешимы, как папа! Вы никогда не ошибаетесь!

Но советский народ отлично знает, что за всё отвечаете вы, «кузнец всеобщего счастья».

С помощью грязных подлогов вы инсценировали судебные процессы, превосходящие вздорностью обвинения знакомые вам по семинарским учебникам средневековые процессы ведьм.

Вы сами знаете, что Пятаков не летал в Осло, М. Горький умер естественной смертью и Троцкий не сбрасывал поезда под откос.

Зная, что всё это ложь, вы поощряете своих клеветников:

— Клеветайте, клеветайте, от клеветы всегда что-нибудь останется.

Как вам известно, я никогда не был троцкистом. Напротив, я идейно боролся со всеми оппозициями в печати и на широких собраниях. Я и сейчас не согласен с политической позицией Троцкого, с его программой и тактикой. Принципиально расходясь с Троцким, я считаю его честным революционером. Я не верю и никогда не поверю в его сговор с Гитлером и Гессом.

Вы — повар, готовящий острые блюда, для нормального человеческого желудка они не съедобны.

Над гробом Ленина вы принесли торжественную клятву выполнить его завещание и хранить как зеницу ока единство партии. Клятвopеступник, вы нарушили и это завещание Ленина.

Вы оболгали, обесчестили и расстреляли многолетних соратников Ленина: Каменева, Зиновьева, Бухарина, Рыкова и др., невиновность которых вам была хорошо известна. Перед смертью вы заставили их каяться в преступлениях, которых они не совершали, и мазать себя грязью с ног до головы.

А где герои Октябрьской революции? Где Бубнов? Где Крыленко? Где Антонов-Овсеенко? Где Дыбенко?

Вы арестовали их, Сталин.

Где старая гвардия? Её нет в живых.

Вы расстреляли её, Сталин.

Вы растлили, загадили души ваших соратников. Вы заставили идущих за вами с мукой и отвращением шагать по лужам крови вчерашних товарищей и друзей.

В лживой [истории партии](#), написанной под вашим руководством, вы обокрали мёртвых, убитых, опозоренных вами людей и присвоили себе их подвиги и заслуги.

Вы уничтожили партию Ленина, а на её костях построили новую партию «Ленина-Сталина», которая служит удачным прикрытием вашего единовластия.

Вы создали её не на базе общей теории и тактики, как строится всякая партия, а на безыдейной основе личной любви и преданности вам. Знание программы первой партии было объявлено необязательным для её членов, но зато обязательна любовь к Сталину, ежедневно подогреваемая печатью. Признание партийной программы заменяется объяснением любви к Сталину.

Вы — ренегат, порвавший со вчерашним днём, предавший дело Ленина. Вы торжественно провозгласили лозунг выдвижения новых кадров. Но сколько этих молодых выдвиженцев уже гниёт в ваших казематах? Сколько из них вы расстреляли, Сталин?

С жестокостью садиста вы избиваете кадры, полезные, нужные стране. Они кажутся вам опасными с точки зрения вашей личной диктатуры.

Накануне войны вы разрушаете Красную Армию, любовь и гордость страны, оплот её мощи. Вы обезглавили Красную Армию и Красный Флот. Вы убили самых талантливых полководцев, воспитанных на опыте мировой и гражданской войн, во главе с блестящим маршалом Тухачевским.

Вы истребили героев гражданской войны, которые преобразовали Красную Армию по последнему слову военной техники и сделали её непобедимой.

В момент величайшей военной опасности вы продолжаете истреблять руководителей армии, средний командный состав и младших командиров.

Где маршал Блюхер? Где маршал Егоров?

Вы арестовали их, Сталин.

Для успокоения взволнованных умов вы обманываете страну, что ослабленная арестами и казнями Красная Армия стала ещё сильнее.

Зная, что закон военной науки требует единоначалия в армии от главнокомандующего до взводного командира, вы воскресили институт военных комиссаров, который возник на заре Красной Армии и Красного Флота, когда у нас еще не было своих командиров, а над военными специалистами старой армии нужен был политический контроль.

Не доверяя красным командирам, вы вносите в Армию двоевластие и разрушаете воинскую дисциплину.

Под нажимом советского народа вы лицемерно вскрываете культ исторических русских героев: Александра Невского и Дмитрия Донского, Суворова и Кутузова, надеясь, что в будущей войне они помогут вам больше, чем казнённые маршалы и генералы.

Пользуясь тем, что вы никому не доверяете, настоящие агенты гестапо и японская разведка с успехом ловят рыбу в мутной, взбаламученной вами воде, подбрасывая вам в изобилии подложные документы, порочащие самых лучших, талантливых и честных людей.

Ваши бесчеловечные репрессии делают нестерпимой жизнь советских трудящихся, которых за малейшую провинность с волчьим паспортом увольняют с работы и выгоняют с квартиры.

Рабочий класс с самоотверженным героизмом нёс тягость напряжённого труда и недоедания, голода, скудной заработной платы, жилищной тесноты и отсутствия необходимых товаров. Он верил, что вы ведёте к социализму, но вы обманули его доверие. Он надеялся, что с победой социализма в нашей стране, когда осуществится мечта светлых умов человечества о великом братстве людей, всем будет житья радостно и легко.

Вы отняли у колхозных крестьян всякий стимул к работе. Под видом борьбы с «разбазариванием колхозной земли» вы разоряете приусадебные участки, чтобы заставить крестьян работать на колхозных полях. Организатор голода, грубостью и жестокостью неразборчивых методов, отличающих вашу тактику, вы сделали всё, чтобы дискредитировать в глазах крестьян ленинскую идею коллективизации.

Вы душите советское искусство, требуя от него придворного лизоблюдства, но оно предпочитает молчать, чтобы не петь вам «осанну». Вы насаждаете псевдоискусство, которое с надоедливой однообразностью воспекает вашу пресловутую, набившую оскомину «гениальность».

Бездарные графоманы славословят вас, как полубога, «рождённого от Луны и Солнца», а вы, как восточный деспот, наслаждаетесь фимиамом грубой лести.

Вы истребляете талантливых русских учёных.

Где лучший конструктор советских аэропланов, Туполев? Вы не пощадили даже его. Вы арестовали Туполева, Сталин!

Нет области, нет уголка, где можно было бы спокойно заниматься любимым делом. Директор театра, замечательный режиссёр, выдающийся деятель искусства Всеволод Мейерхольд не занимался политикой. Но вы арестовали и Мейерхольда, Сталин.

Зная, что при нашей бедности кадрами особенно ценен каждый культурный и опытный дипломат, вы заманили в Москву и уничтожили одного за другим почти всех советских полпредов. Вы разрушили дотла весь аппарат Народного комиссариата иностранных дел.

Уничтожая везде и всюду золотой фонд нашей страны, её молодые кадры, вы истребили во цвете лет талантливых и многообещающих дипломатов.

Ваша безумная вакханалия не может продолжаться долго. Бесконечен список ваших преступлений. Бесконечен список ваших жертв, нет возможности их перечислить.

Рано или поздно советский народ посадит вас на скамью подсудимых как предателя социализма и революции, главного вредителя, подлинного врага народа, организатора голода и судебных подлогов.

17 августа 1939 г.

Звучит «Надежды маленький оркестрик»
